

УДК 346.23

DOI: 10.34670/AR.2024.96.98.061

К вопросу о взыскании убытков как мере ответственности контролирующего должника лица в процедурах несостоятельности (банкротства) юридических лиц

Ефименко Антон Эдуардович

Адвокат, соискатель,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2к1;
e-mail: vitvatvat@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены правовые аспекты современной практики привлечения к ответственности контролирующих лиц должника-юридического лица. Автором проведен историко-правовой анализ понятия убытков, показана значимость привлечения к возмещению убытков аффилированным лицом, а также сформулированы выводы о совершенствовании законодательства в данной сфере. По результатам проведенного анализа считаем, что перспективы развития законодательства Российской Федерации в условиях повышения угроз несостоятельности (банкротства) юридических лиц должны быть связаны со следующими аспектами: 1) изменением действующих нормативных требований и внесение законодательных изменений; 2) исключением из национальной системы права России доктринальных противоречий в отношении привлечения КДЛ к ответственности в ситуации банкротства организации – должна действовать именно система возмещения убытков, а не субсидиарная ответственность, которая по факту противоречит нормам гражданского законодательства и выступает неким исключением из общей доктрины. В противном случае возникнет неопределенность в правоприменительной практике, которая ведет к дестабилизации социально-экономических отношений и повышению рисков ведения предпринимательской деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефименко А.Э. К вопросу о взыскании убытков как мере ответственности контролирующего должника лица в процедурах несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 485-492. DOI: 10.34670/AR.2024.96.98.061

Ключевые слова

Несостоятельность, банкротство, должник, контролирующее должника лицо, убытки, ответственность.

Введение

Современная ситуация в Российской Федерации характеризуется повышенными рисками для ведения бизнеса, что связано как с остаточным эффектом от введения пандемийных ограничений, так и рядом макроэкономических и политических факторов.

Из-за действовавшего с 2020 года моратория на банкротство работа арбитражных судов была фактически приостановлена по новым заявлениям от кредиторов и самих должников. В результате количество банкротств среди юридических лиц снизилось почти на 20%.

Основная часть

С апреля 2022 года согласно положениям Постановления Правительства России от 28 марта 2022 г. № 497¹ вновь был введен мораторий на банкротство юридических лиц и предпринимателей. Это частично снизило показатели банкротства юридических лиц, но ситуация несостоятельности приняла латентный и отсроченный характер ввиду действия негативных макроэкономических факторов, связанных с санкционной политикой ряда западных стран в отношении России, ограничением внешнеэкономических связей и сокращением традиционных рынков сбыта. Тем не менее, Письмом ФНС России от 18.07.2022 № 18-2-05/0211@² последним днем моратория было установлено 1 октября 2022 года.

Возможность привлечения контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) к ответственности с 2017 года стала более гибкой, поскольку в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее – ФЗ о банкротстве) были внесены соответствующие изменения.

В настоящее время количество контролирующих лиц, которые были привлечены к субсидиарной ответственности при банкротстве организаций, значительно увеличилось, кроме того, расширен перечень оснований для привлечения таких субъектов к ответственности. Например, контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности за неподачу заявления должника о собственном банкротстве в отведенный законом срок, исчисляемый без учета срока действия моратория.

Кроме того, за время действия главы III.2 ФЗ о банкротстве были включены нормы о возможности подачи заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, в том числе взыскания убытков с таких лиц вне рамок дела о банкротстве, что свидетельствует о том, что законодательство в данной области активно совершенствуется, а количество удовлетворенных заявлений набирает обороты [Бандурина, Степанян, 2023, 244].

Полагаем, что в условиях дальнейшей трансформации социально-экономических процессов обусловленных санкционными факторами, ростом числа должников – юридических лиц, а также с учетом цифровизации рыночных отношений, взыскание убытков как мера наказания должника материального характера будет приобретать все большую актуальность и

¹ Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами».

² Письмо ФНС России от 18.07.2022 № 18-2-05/0211@ «О сроке действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов».

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

востребованность ввиду своей универсальности и применимости в различных сферах экономической деятельности в рамках осуществления договорных отношений, а также в налоговой сфере с целью пополнения бюджета, являющейся одной из первостепенных задач государства.

Кроме того, выявление неправомерных действий (бездействия) со стороны контролирующих должника лица в ходе осуществления банкротства с применением мер гражданско-правовой ответственности в виде взыскания причиненных убытков выполняет пресекаательно-воспитательную функцию, что только способствует повышению стабильности в бизнес-среде, что просто необходимо в условиях современных трансформаций и действия негативных макроэкономических факторов.

По своей сути возмещение убытков выступает восстановлением имущественного положения участника гражданско-правовых отношений, которое существовало или могло бы существовать до нарушения прав такого участника [Ширвиндт, Щербаков, 2019, 203]. Вместе с тем, на сегодняшний день в законодательстве существуют определенные проблемы нормативной трактовки самого понятия «убытки» и связанных с ним дефиниций.

Необходимо отметить, что еще в дореволюционном законодательстве Российской империи было установлено четкое разделение на различные виды убытков, возникших как в ходе договорных отношений, так и вне их (Глава VI Том X Свода законов Российской империи «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки»). При этом само указанное понятие в данном акте отсутствовало и могло быть выведено только на основе анализа содержания отдельных статей документа [Добровинская, 2016, 6].

В Своде законов Российской империи речь шла и о порядке произведения вознаграждения за причиненные вред и убытки ввиду преступления или проступка, а также за действия, которые не признавались ни преступлением, ни проступком. По прошествии значительного периода времени именно эти правовые нормы легли в основу современного гражданского и уголовно-правового законодательства по вопросам возмещения убытков.

Важно отметить, что в дореволюционном законодательстве Российской империи понимание убытков имело достаточно широкие границы, что позволяло правоведам рассматривать убытки как в узком, так и в широком смысле понимания. В первом случае речь шла о реальном ущербе и упущенной выгоде, а в более широком понимании рассматривалась еще и компенсация морального вреда. Но в советском законодательстве, а в последствие и в российском законодательстве (в ГК РФ), нашел свое отражение именно узкий подход к толкованию термина «убытки».

При этом в качестве компенсации убытков используется денежная форма, что освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (в том случае если иное не следует из условий договора или не предусмотрено законом). Такой подход декларирован законодателем в п. 2 ст. 396 ГК РФ.

Согласно ст. 15 ГК РФ предполагается двойственная сущность убытков в современном российском гражданском праве – причинение реального ущерба или упущенная выгода. Несомненно, на практике оценка факта и размера упущенной выгоды представляется более сложным процессом, что требует специальных способов доказывания, чем в случае реального ущерба.

Необходимо отметить, что в научной литературе существуют различные классификации убытков – всего по различным основаниям выделяют около 40 видов различных убытков, из которых, на наш взгляд, в аспекте рассматриваемого вопроса наибольший интерес

представляют прямые и косвенные убытки [Мякина, 2006, 282].

Прямые убытки обязательно связаны с неблагоприятными последствиями виду недобросовестного поведения лица, нарушившего гражданские права другого лица (в данном случае мы говорим о действиях КДЛ, которые привели к банкротству юридического лица и причинению ущерба кредиторам или контрагентам). Косвенные же убытки возникают непреднамеренно, случайным образом, вследствие сопутствующих обычному ходу дел обстоятельств, которые негативно влияют на нормальный процесс деятельности (ввиду этого и возникают определенные сложности в доказывании косвенных убытков, т.к. отсутствует прямая причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями).

Крайне проблематичным выглядит доказательство косвенных расходов и ввиду того, что в действующем сегодня российском гражданском законодательстве отсутствует само определение косвенных убытков, что снижает вероятность успешности взыскания подобных убытков при разрешении спорных вопросов в судебном порядке.

Следует отметить, что необходимо доказательство прямой причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями в виде имущественного ущерба, т.к. именно наличие такой связи выступает необходимым условием в отношении возмещения убытков. При этом необходимо признать, что для кредитора не имеет принципиального значения, каким образом суд квалифицирует причиненные ему убытки – в качестве обязательства или ответственности, принципиальным выглядит именно их взыскание и восстановление нарушенных прав. Но по факту рассчитывать на возмещение убытков с КДЛ при банкротстве юридического лица можно только при прямых убытках [Журиков, 2023, 78].

Таким образом, следует признать, что в регулировании правоотношений по возмещению убытков со стороны КДЛ в ситуации банкротства юридического лица существует ряд требующих своего разрешения проблемных аспектов, связанных с действующими нормативными требованиями:

- ввиду того, что в гражданском законодательстве отсутствует конкретика в содержании норм-дефиниций таких правовых категорий, как «убытки», «вред» и «ущерб», требуется внесение соответствующих изменений в ГК РФ и Закон о банкротстве, согласно которых существовала ясная трактовка указанных понятий;
- в действующем законодательстве отсутствуют определения различных видов убытков (косвенных, конкретных, абстрактных и др.), что не позволяет рассматривать большинство из них в качестве ущерба, который мог быть возмещен со стороны КДЛ при банкротстве юридического лица;
- на практике отсутствуют четкое понимание экономических подходов к расчету убытков, что требует разработки определенных нормативных положений или установления порядка действий при расчете убытков;
- существуют проблемы доказывания ущерба и полученных убытков от действий КДЛ, в том числе отсутствует установление законодателем примерного перечня необходимых доказательств, являющихся достаточными. Поэтому на практике существуют сложности в доказывании виновных действий (бездействия) КДЛ как причинителя убытков в ситуации банкротства организации.

Несомненно, пробелы в законодательстве относительно детального регулирования порядка исчисления и взыскания убытков, накладывают отпечаток на существующую судебную практику, которая имеет неоднозначный и противоречивый характер.

Отметим еще один проблемный аспект нормативного характера, оказывающий влияние на

стабильность существующих экономических связей и складывающиеся правоотношения между различными субъектами экономической деятельности в современных условиях.

На сегодняшний день в российской экономике не ликвидирована практика создания фирм-однодневок, используемых для различных целей – от ухода от налогообложения до совершения мошеннических действий по сокрытию имущества от кредиторов, сопровождаемых сложными преступными схемами.

В результате у контрагентов таких компаний часто возникают убытки, в судебном порядке сложно найти имущество, так же как и установить совокупность различных обстоятельств с целью признания сделок недействительными (ничтожными) и применения реституции. Также подобные фирмы-однодневки, не обладают достаточным имуществом и совершив определенные действия по получению активов, легко идут на признание своей финансовой несостоятельности и банкротство.

Возможным способом противодействия в данной ситуации выступает используемая в западной цивилистике (например, в Германии) конструкция «снятия (или прокалывания) корпоративной вуали», что означает отрицание самостоятельности юридического лица и признание, что целью КДЛ в результате подобных действий было достижение личного преступного результата с использованием конструкции юридического лица.

В этой ситуации действия КДЛ не могут рассматриваться с позиции соблюдения интересов юридического лица, соответствовать принципам его деятельности и очевидно являются убыточными для него. В подобных случаях в западной практике юридическое лицо рассматривается исключительно в качестве прикрытия недобросовестных действий КДЛ, выступая лишь инструментом достижения их личных преступных интересов.

Для определения применения доктрины снятия корпоративной вуали в англо-американской системе права используется система тестов, что позволяет в итоге возложить ответственность корпорации перед кредиторами на КДЛ [Мамонова, 2020, 139].

Отметим, что современной российской правовой системе на сегодняшний день существует некий аналог иностранной доктрины снятия корпоративной вуали – субсидиарная ответственность КДЛ при банкротстве организаций. При этом согласно ст. 56 ГК РФ недопустимо смешение имущества и обязательств учредителей и юридического лица, но ответственность по обязательствам должника возлагается на виновных в доведении до его банкротства КДЛ.

Считаем, что в данном случае законодатель использовал крайне противоречивую модель ответственности тех лиц, которые использовали конструкцию юридического лица для достижения своих преступных целей, т.к. субсидиарная ответственность используется, по своей сути, как дополнительная – в случае неисполнения или невозможности исполнения основным должником (юридическим лицом) взятых на себя обязательств. Возникает противоречие, когда долг юридического лица не может быть возложен на его учредителя в силу озвученных ранее фундаментальных принципов корпоративного права. Тем более, существующая сегодня конструкция юридического лица не позволяет возлагать исполнение своих обязательств на лиц, не являющихся собственниками бизнеса, таких как генеральный директор, главный бухгалтер и т.п.

Данные лица являются только представителями организации в силу их нахождения на определенной должности на основании решения собрания учредителей (акционеров). Своими действиями (бездействием) указанные лица причиняют вред самому юридическому лицу, следовательно, причиняют ему убытки. Поэтому считаем, что возмещение убытков с правовой

точки зрения являются самым верным механизмом ответственности КДЛ за причинение юридическому лицу ущерба.

По нашему мнению, в отношении КДЛ должна действовать именно система возмещения убытков, а не субсидиарная ответственность, которая по факту противоречит нормам гражданского законодательства и выступает неким исключением из общей доктрины. Полагаем, что формирование в России национальной системы права на основе доктринальных противоречий в современных условиях просто недопустимо. В противном случае возникнет неопределенность в правоприменительной практике (что уже нами отмечалось ранее), которая ведет к дестабилизации социально-экономических отношений и повышению рисков ведения предпринимательской деятельности.

Заключение

Таким образом, считаем, что перспективы развития законодательства Российской Федерации в условиях повышения угроз несостоятельности (банкротства) юридических лиц должны быть связаны со следующими аспектами:

1) изменением действующих нормативных требований и внесение законодательных изменений в отношении:

- содержания норм-дефиниций таких правовых категорий, как «убытки», «вред» и «ущерб»;
- определения различных видов убытков (косвенных, конкретных, абстрактных и др.);
- разработки определенных нормативных положений или установления порядка действий при расчете убытков;
- установления законодателем примерного перечня необходимых доказательств, являющихся достаточными в доказывании виновных действий (бездействия) КДЛ как причинителя убытков в ситуации банкротства организации;

2) исключением из национальной системы права России доктринальных противоречий в отношении привлечения КДЛ к ответственности в ситуации банкротства организации – должна действовать именно система возмещения убытков, а не субсидиарная ответственность, которая по факту противоречит нормам гражданского законодательства и выступает неким исключением из общей доктрины. В противном случае возникнет неопределенность в правоприменительной практике, которая ведет к дестабилизации социально-экономических отношений и повышению рисков ведения предпринимательской деятельности;

Библиография

1. Бандурина Н.В., Степанян А.С. Правовые аспекты привлечения контролирующих должника лиц к ответственности в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законодательство о банкротстве: преемственность и новации. М.: Юстицинформ, 2023. 348 с.
2. Добровинская А.В. Виды убытков в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 6.
3. Журиков И.А. Права контролирующих должника лиц на участие в процессах, влияющих на их привлечение к субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 10. С. 78.
4. Мамонова А.С. Доктрина снятия корпоративной вуали и особенности ее применения в России // Научные горизонты. 2020. № 5 (33). С. 139.
5. Мякина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения. М.: Статут, 2006. С. 282.
6. Ширвиндт А.М., Щербаков Н.Б. (ред.) Опыт цивилистического исследования. М.: Статут, 2019. Вып. 3. С. 203.
7. Simon L. D. Bankruptcy Gifters // Yale LJ. – 2021. – Т. 131. – С. 1154.

8. Antonopoulos A. Bankruptcy problem in network sharing: Fundamentals, applications and challenges //IEEE Wireless Communications. – 2020. – T. 27. – №. 4. – C. 81-87.
9. Foohey P., Lawless R. M., Thorne D. Driven to Bankruptcy //Wake Forest L. Rev. – 2020. – T. 55. – C. 287.
10. Foohey P., Lawless R. M., Thorne D. Portraits of bankruptcy filers //Ga. L. Rev. – 2021. – T. 56. – C. 573.

To the issue of recovery of losses as a measure of liability of the controlling debtor in insolvency (bankruptcy) proceedings of legal entities

Anton E. Efimenko

Postgraduate,
All-Russian State University of Justice,
117638, b.1, 2, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vitvatvat@yandex.ru

Abstract

The current situation in the Russian Federation is characterized by increased risks for doing business, which is associated both with the residual effect of the introduction of pandemic restrictions and with a number of macroeconomic and political factors. The article examines the legal aspects of the modern practice of bringing to responsibility the controlling persons of a debtor-legal entity. The author conducted a historical and legal analysis of the concept of losses, showed the importance of involving an affiliate in compensation for losses, and also formulated conclusions about improving legislation in this area. Based on the results of the analysis, we believe that the prospects for the development of legislation of the Russian Federation in the context of increasing threats of insolvency (bankruptcy) of legal entities should be associated with the following aspects: 1) changes in current regulatory requirements and the introduction of legislative amendments; 2) exclusion from the national system of Russian law of doctrinal contradictions regarding holding the CDL liable in a situation of bankruptcy of an organization - it is the system of compensation for losses that should operate, and not subsidiary liability, which in fact contradicts the norms of civil law and acts as a certain exception to the general doctrine. Otherwise, uncertainty will arise in law enforcement practice, which will lead to destabilization of socio-economic relations and increased risks of doing business.

For citation

Efimenko A.E. (2024) K voprosu o vyzyskanii ubytkov kak mere otvetstvennosti kontroliruyushchego dolzhnika litsa v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) yuridicheskikh lits [To the issue of recovery of losses as a measure of liability of the controlling debtor in insolvency (bankruptcy) proceedings of legal entities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 485-492. DOI: 10.34670/AR.2024.96.98.061

Keywords

Insolvency, bankruptcy, debtor, person controlling the debtor, losses, liability.

References

1. Bandurina N.V., Stepanyan A.S. (2023) Pravovye aspekty privilecheniya kontroliruyushchikh dolzhnika lits k otvetstvennosti v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Legal aspects of holding persons controlling the debtor liable in insolvency (bankruptcy) procedures]. In: *Zakonodatel'stvo o bankrotstve: preemstvennost' i novatsii* [Bankruptcy legislation: continuity and innovations]. Moscow: Yustitsinform Publ.
2. Dobrovinskaya A.V. (2016) Vidy ubytkov v grazhdanskom prave [Types of losses in civil law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 7, p. 6.
3. Mamonova A.S. (2020) Doktrina snyatiya korporativnoi vuali i osobennosti ee primeneniya v Rossii [The doctrine of lifting the corporate veil and the features of its application in Russia]. *Nauchnye gorizonty* [Scientific horizons], 5 (33), p. 139.
4. Myakinina A.V. (2006) Ogranichenie razmera vozmeshchaemykh ubytkov v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii [Limitation of the amount of reimbursable losses in the civil law of the Russian Federation]. In: *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya* [Losses and practice of their compensation]. Moscow: Statut Publ.
5. Shirvindt A.M., Shcherbakov N.B. (ed.) (2019) *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya* [Experiments in civil law research]. Moscow: Statut Publ. Is. 3.
6. Zhurikov I.A. (2023) Prava kontroliruyushchikh dolzhnika lits na uchastie v protsessakh, vliyayushchikh na ikh privilechenie k subsidiarnoi otvetstvennosti [The rights of persons controlling the debtor to participate in processes affecting their bringing to subsidiary liability]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property relations in the Russian Federation], 10, p. 78.
7. Simon L. D. Bankruptcy Gifters // *Yale LJ.* – 2021. – T. 131. – C. 1154.
8. Antonopoulos, A. (2020). Bankruptcy problem in network sharing: Fundamentals, applications and challenges. *IEEE Wireless Communications*, 27(4), 81-87.
9. Foohey, P., Lawless, R. M., & Thorne, D. (2020). Driven to Bankruptcy. *Wake Forest L. Rev.*, 55, 287.
10. Foohey, P., Lawless, R. M., & Thorne, D. (2021). Portraits of bankruptcy filers. *Ga. L. Rev.*, 56, 573.